

K 556

477

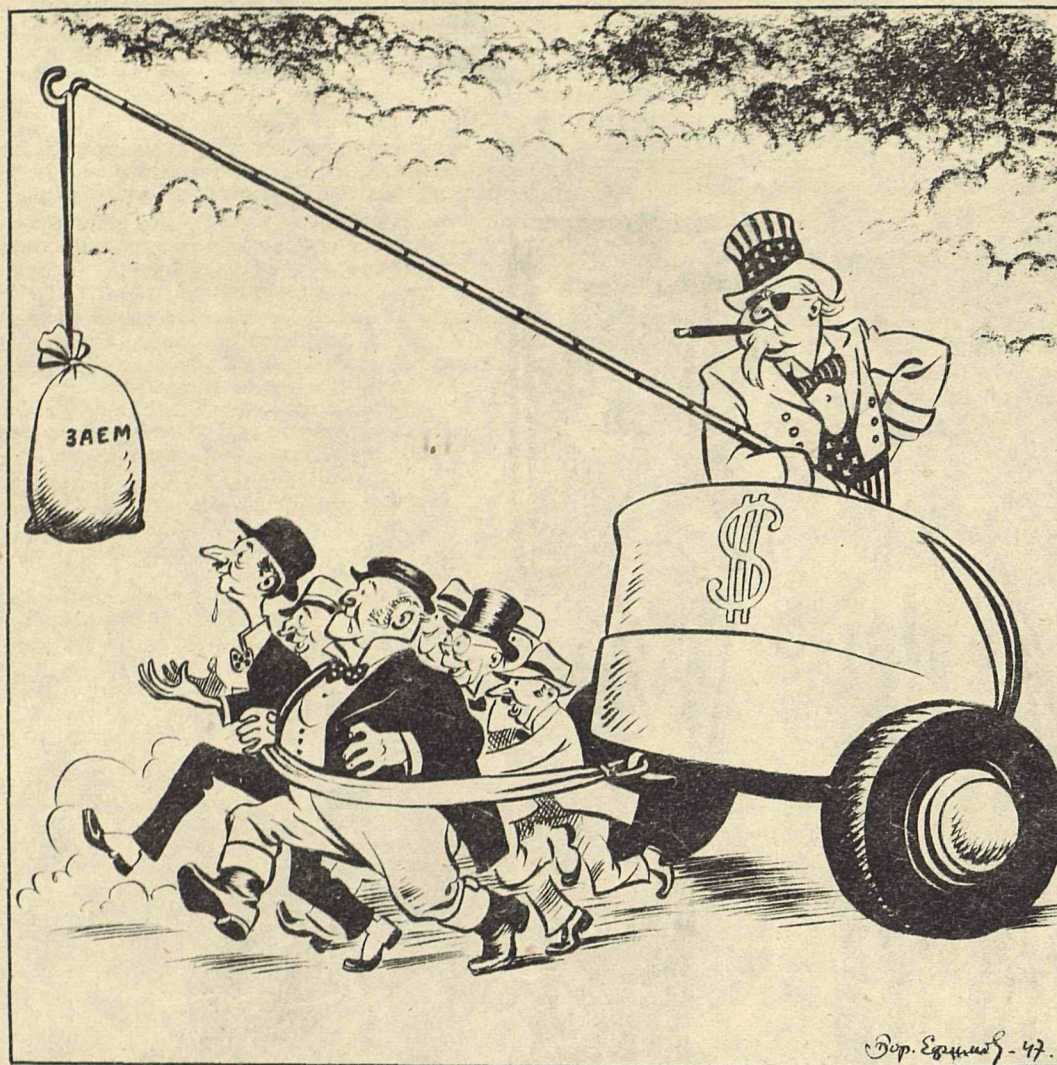
К Р О К О Д И Л

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

ОСТАНОВКА ЗА МАЛЫМ

— Никак не удаётся закончить отчёт о командировке. Куда ездил,— указал, на сколько ездил,— указал, а вот за чем ездил,— хоть убей, вспомнить не могу!

Американский двигатель новейшей системы.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ о Кифе Мокиевиче

СКИФОЙ Мокиевичем нас познакомил Николай Васильевич Гоголь.

Кифа Мокиевич — философ. Его занимают серьёзные проблемы. Например его глубокий ум занят разрешением такого вопроса: «Почему зверь родится нагишом? Почему не вылупливается из яйца?»

Поглощённый столь важными делами, Кифа Мокиевич, естественно, не может уделять внимания семье. Сын его Мокий Кифович отбился от рук, никому не даёт он покоя.

«Да, шаловлив, шаловлив, — говорил обыкновенно на это отец. — Да ведь как быть? Драться с ним поздно, да и меня же все обвинят в жестокости... Уж если он и останется собакой, пусть же не от меня об этом узнают, пусть не я выдам его».

Когда папаша Кифа Мокиевич по-родительски журит шалунишку-сына, этакое родительское примиренчество к хулиганским проделкам своего чада можно с грехом пополам понять, хотя простить нельзя. Тем более странно видеть подобного Кифу Мокиевича в советском учреждении.

Возможно, прокурор Пяуского района, Псковской области, П. М. Лифанов не раз

делает «философских взглядов» Кифы Мокиевича. Но, как и Кифа Мокиевич, Лифанов не желает прослыть жестоким.

Бывший заведующий земотделом Коростелев взял в разных колхозах корову, 2 поросёта, 800 килограммов хлеба, 1276 килограммов картофеля. Коростелев переложил из государственного кармана в свой свыше 50 тысяч рублей и разбазарил в подсобном хозяйстве земотдела до 2 тонн хлеба.

— Коростелева под суд! — потребовали колхозники.

— За что? — удивился Лифанов. — Это всё невинные шалости. Уж если Коростелеву когда-нибудь и не миновать кары, не я выдам его.

Председателю исполкома Глазовского райсовета (Удмуртская АССР) Королёву, конечно, не сравниться с Мокием Кифовичем, но в Глазовском районе многие почувствовали силу его широкой натуры: в колхозе Никольском он взял 50 килограммов муки, в другом колхозе — самую лучшую корову.

В Глазовской партийной организации теория Кифы Мокиевича непротивления

злу не пользовалась успехом. Районная партийная конференция не побоялась, что её обвинят в жестокости, и забаллотировала Королёва в новый состав райкома. Глазовский Мокий Кифович не пал духом и пошёл искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок. Такой уголок Королёв нашёл в Ижевске.

В Ижевске Королёва назначили на большой пост в Министерство просвещения. Кифа Мокиевич смотрел сквозь пальцы на шалости сына, но у него и в мыслях не было представить сына к награде или порекомендовать его к повышению в чине. Но иначе смотрит на это дело отдел кадров Министерства лесного хозяйства.

Директор Мало-Ярославецкого лесхоза Козменко был пойман с поличным: его уличили в подделке документов и присвоении государственных средств. За такие шалости Козменко полагалось судить по всем строгостям закона. Но в министерстве рассудили не судить, а назначить начальником краевого управления лесного хозяйства в Краснодар. Пусть резвится в краевом масштабе!

Когда об этом назначении узнали калужские лесники, они вполне резонно задали министерству вопрос: кем назначат Родичева, бывшего директора Перемышлянского лесхоза, Калужской области: ведь он причинил государству своими шалостями значительно больший убыток, чем Козменко?

Предоставив сыну своему Мокию Кифовичу широкую возможность заниматься и дальше богатырскими подвигами, сам философ предался размышлениям: «Ну, а если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, сильно бы толста была, пушкой не прошибёшь; нужно какое-нибудь новое огнестрельное орудие выдумать».

Современные Кифы Мокиевичи объявили широкое отпущение грехов и заняты проблемой, какую бы изобрести толстую скорлупу, чтобы её никакие пушки советского закона не могли прошибить и чтобы шаловливые Мокии Кифовичи чувствовали себя в этой скорлупе совершенно спокойно.

Праздная затея!

Е. ВЕСЕНИН

Юрий ЛЕБЕДЕВ

ПЧЕЛА И МУХА

(БАСНЯ)

Всё лето проработала пчела,
Летала в зной и в хмурую погоду
И к осени холодной собрала
Большой запас отличнейшего мёду.

А по домам меж тем жужжала глухо
Ленивая, назойливая муха.
Она совсем иную жизнь вела
И, увильнув от всяческой работы,
Всё больше плакалась, что жизнь ей тяжела,
Что нет о мухах никакой заботы.
Ругала всех, кляла людей за то,
Что от неё еду они скрывают,
Сердилась на коров, что те хвостом
Её настойчиво со спин своих сгоняют,
Но больше всех ругала муха пчёл.
— Откуда у пчелы такой обильный стол?! —
Жужжала муха. — Вот не понимаю:
Я тоже день-деньской над травами летаю!

* * *

А в заключение прошу тебя, читатель,
Перебери своих знакомых круг.
Средь них найдёшь немало мух!
И согласишься, что басня эта кстати.

Курск

На кинотолкучке

ШУМНО на американской кинотолкучке:

— А вот кому свежая ковбойская с шестью самоубийствами и девятью убийствами!

— Эй, налетай, скоро не будет! Большой выбор дупераздирающих мелодрам! «Мелодрама таинственная!» «Мелодрама-убийство!» «Мелодрама-шпионаж!»

— Давай, милый, сюда! Давай сюда! Нигде таких фарсов не съешь, как у меня «Фарс-убийство!» «Фарс-ужас!» «Фарс-ужас психологический!»

Очень шумно... Не думайте, что мы шутки ради выдумали все эти «мелодрамы-убийства» и «фарсы-ужасы».

Нет, так официально называются голливудские картины, которые американские киноторговцы широко предлагают на внутренний и внешний рынок.

— Эй, господин хороший! Может, ваша страна нуждается в ужасах? Мы, американцы, готовы оказать вам кинопомощь. Есть новые фильмы с привидениями, чертями, ведьмами, колдуньями. Что? Нет, нет, это не берите. Это «Табачная дорога» по роману Колдуэлла. Красная штучка. Левая пропаганда. Возьмите лучше «Потерянный Уик-энд». Здесь показывается, что переживает человек, допивший до белой горячки, и как, обливаясь кровью, подыхает (крупным планом!) раненая мышь.

Конечно, в Европе есть публика, которая с жадностью ловит эти голливудские киноновинки и наслаждается белой горячкой, раненой мышью и тому подобной американской «помощью».

Но настоящие зрители, люди со вкусом, демократически настроенная публика, относятся с отвращением к той продукции Голливуда, где отвратительная расовая пропаганда чередуется со смакованием психологических извращений.

Недаром в прошлом году на кинофестивале в Каннах (Франция) голливудцы несмотря на высокую технику своего производства были отодвинуты (крупным планом!) на третье место. Как известно, первое место завоевали советские фильмы.

В июне 1947 года был новый кинофестиваль, в Брюсселе. Советский Союз в этом фестивале не участвовал. И опять-таки авторы раненой мыши потерпели (крупным планом!) поражение.

По примеру некоторых американских торговцев политикой торговцы кино начали запугивать Европу «красной опасностью». Брошен лозунг:

«Лучшей защитой против коммунизма является распространение американских фильмов».

А надях Эрик Джонстон, руководитель Ассоциации кинематографии Америки, заявил в Брюсселе на пресс-конференции:

«Идеалом современной Америки, её культуры и кино должна быть борьба с Генри Уоллесом и ему подобными, угрожающими американскому капитализму».

Очень шумно на американской кинотолкучке:

— А вот кому свежий боевик, фарс-ужас в защиту капитализма!..

Г. Р.

Рис. В. ГОРЬЕВА

СДЕЛАНО В ГОЛЛИВУДЕ

— Я придумал для вас прекрасный сюжет, мисс! Молодая девушка страдает манией тайных убийств. Она убивает свою горничную, шофера такси и трёх любовников. Горничная, превратившись в привидение, является к своей хозяйке по ночам. Потом героиню сажают в сумасшедший дом, где в неё влюбляется врач, тоже тайный убийца, и они вдвоём...

— Это всё очень мило! Но не находите ли вы, что ваш сюжет несколько пресен? В нём совершенно нет ужасов.

Сорок девятый штат

«Сорок девятый штат» — пьеса молодого английского писателя Джеймса Олдриджа. Пьеса Олдриджа интересна тем, что она ставит вопрос об англо-американских отношениях, равно как и о кризисе буржуазной демократии в наше время. Автор, правда, относит действие к периоду «через 80 лет после нашего времени». Но это не больше чем драматургический приём, позволяющий автору свободнее высказываться, а также показать в логическом развитии, хотя и в плане памфлета, политику нынешних правителей Соединённых Штатов и Англии.

Краткое содержание пьесы сводится к следующему. Соединённые Штаты — мировой кредитор, у которого все в долгу. Исключение составляет только одна страна, которая процветает, не зная никакой зависимости от американского Шейлока. Это Советский Союз. Что касается Англии, то она, как поясняет британский премьер-министр — одно из главных действующих лиц в пьесе Олдриджа, — после второй мировой войны задолжала Америке фантастические суммы. Заплатить она не могла, поэтому она занимала ещё и ещё, пока не оказалось, что Англия должна больше, чем стоит вся британская держава. Наступает час расплаты. Британский премьер-министр в трудном, почти безвыходном положении. Вот-вот придёт американский посол, а с ним и подлинный хозяин Америки — Дюфеллер (явная комбинация из Дюпона и Рокфеллера) из Национального банка Милвоки, который потребует все национальные фонды, всю звонкую монету королевства, драгоценности короны.

Платить неоткуда. Как быть? Британский премьер-министр пускается на хитрость. Он вручает американскому послу королевский рескрипт, которым Англия объявляется сорок девятым штатом американского государства. Таким образом, все обязательства Англии автоматически переходят к правительству Соединённых Штатов, которое отныне и должно иметь дело с Дюфеллером. Печатаем в сокращённом виде первый акт этой пьесы.

Спальня премьер-министра. Джинни Стюарт, секретарша премьер-министра, сидит в кресле и читает газеты премьеру, который полулежит в постели, пристроив на коленях поднос с завтраком. Повсюду на постели, на полу — разбросаны газеты.

ДЖИННИ (читает). «Сегодня исполнилось ровно восемьдесят лет с того дня, как палате общин был представлен на обсуждение план национализации угольных копей; и хотя план этот всё ещё не принят, он тем не менее остаётся одним из самых достопримечательных документов в нашей экономике...»

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Это что за газета?

ДЖИННИ. «Дейли геральд».

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Наступил самый критический день в истории Англии, а они толкуют про какие-то допотопные угольные копи. Найдите что-нибудь поближе к жизни.

ДЖИННИ (указывает пальцем). Передайте мне вот ту газету, «Таймс».

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (хмурится и передаёт газету с явной неохотой). Ну, тут наверняка будет разговор о том, что мне надо отрубить голову.

ДЖИННИ (раскрывает газету, читает). «Сегодня восемьдесят претия годовщина первого соглашения о ленд-лизе; и сегодня же истекает срок пятого американского займа. (Она выдерживает паузу, чтобы дать впечатлению отстояться.) Если английское правительство окажется не в силах удовлетворить претензии, изложенные в ноте США (смотрит на премьера и читает ещё раз)... если английское правительство окажется не в силах удовлетворить претензии, изложенные в ноте США, остатки нашего актива перейдут в собственность Национального банка Милвоки, достоинством которого сделаются также драгоценности короны, фонды Английского банка, капитал страховых обществ и вся звонкая монета королевства». (Снова смотрит на премьера.) Ну как, довольно с вас?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Читайте дальше. Читайте, пока не дойдёте до моей головы. ДЖИННИ (читает). «Англия сегодня переживает революционную ситуацию, и мы с нетерпением ожидаем, чем кончится этот день, зная, что премьер-министру предстоит либо явить чудо финансовой изворотливости либо испытать на себе

грозный гнев английского народа, который никогда не допустит, чтобы этот остров был отдан в руки иностранных монополистов. Итак, если премьер-министр не подготовлен должный ответ на американскую ноту, в Англии скатится с плеч ещё одна голова...»

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (потирая свой едва прикрытый волосами череп). Вот теперь довольно. Теперь довольно.

ДЖИННИ (складывает газету и решительно приглаживает пальцем сгиб). Ваша голова непременно скатится с плеч, если только вы не покроете обязательства по займу.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Знаю. Всё знаю. Американский посол (язвительно), ваш приятель, сегодня явится взъяскивать долг.

ДЖИННИ. Он придёт сюда? Ваши акции поднимаются. До сих пор всегда вы ходили к Хайрэму.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (оставляя её сарказм без внимания). Я сказал Хайрэму, что я болен. А что, он всё ещё собирается на вас жениться?

ДЖИННИ (встаёт и потягивается). Кажется, да, хотя предложения он мне ещё не делал.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Немножко он бюрократ, верно?

ДЖИННИ. Тут ничего не поделаешь.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Этот Хайрэм в свои двадцать три года более консервативен, чем я в мои восемьдесят. До сих пор стоит за монополистическую демократию и за официальный развод. Если человек в двадцать три года — не большевик, — значит, он реакционер и опасен для общества.

ДЖИННИ (складывает газеты на письменный стол). Вот он сейчас явится за долгом, тогда посмотрим, кто будет смеяться последним. (Лукаво посматривает на

него.) Вы подсчитали, сколько мы всего должны Америке?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (неторопливо помешивая кофе). Ведь в «Таймсе» сказано: национальные фонды (пауза), звонкая монета королевства (пауза), драгоценности короны и ещё три миллиарда человеко-часов.

ДЖИННИ. Ну и как? Можете вы заплатить?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (устремляя взгляд в пространство и вздыхая). Нет.

ДЖИННИ. Тогда заявите о непризнании долга.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Это годилось во времена первой мировой войны. Все занимали у нас, а мы занимали у Америки. Потом никто не платил нам, а мы не платили Америке. Теперь это не пойдёт.

ДЖИННИ (рассердясь). Ну, займите у них ещё! Ведь это, кажется, обычный способ урегулировать долги.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Да, так было в доброе старое время. Но теперь американцы поумнели. И потом именно эта система и довела нас до беды. После второй мировой войны мы задолжали Америке фантастические суммы. Заплатить мы не могли, поэтому мы занимали ещё и ещё, до тех пор, пока оказалось, что мы должны больше, чем стоит вся наша держава. И вот теперь-то Дюфеллер решил взъяснить с нас долг.

ДЖИННИ. Тем хуже для вас. Берегитесь!

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Джинни, вы слишком много себе позволяете. Помните, что вы моя секретарша, а не любовница.

ДЖИННИ. Вы тоже этого не забывайте. И пусть подобные мысли не туманят ваш старческий мозг. Лучше думайте о том, как расплатиться с Америкой, потому что если вы не расплатитесь, вам не сносить головы.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (качая головой). Даже моя собственная секретарша и та ждёт моей гибели. Разве я виноват, что мы так много должны Америке и что нам нечем заплатить?

ДЖИННИ. Вы всё равно что блоха, сидящая на вершине пирамиды. Если б в вас была хоть капля здравого смысла, вы бы никогда не связывались с Америкой.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (возмущённо). Да меня на свете не было, когда Англия делала этот заём! Я родился только в 1946 году.

ДЖИННИ. Не пытайтесь оправдаться тем, что вас не было на свете. Если б вы были на свете, вы сделали бы этот заём. (Уходит.)

Входит Хайрэм, американский посол, и с ним низенький чернявый человечек.

ХАЙРЭМ. Доброе утро, сэр. Как ваша голова?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (ворчливо, косясь на среднюю дверь). Благодарю вас, пока ещё крепко сидит на плечах.

ДЖИННИ (врывается в среднюю дверь с тарелкой в руках). Доброе утро, милый! (Это относится к Хайрэму. Затем она сразмаху ставит тарелку с яичницей на поднос, который держит на коленях премьер-министр.)

ХАЙРЭМ (несколько смущённый таким приветствием, указывает на своего спутника и представляет). Мистер Дюфеллер из Национального банка Мильвоки.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Хм, хм! Приготовились взъискивать, значит?

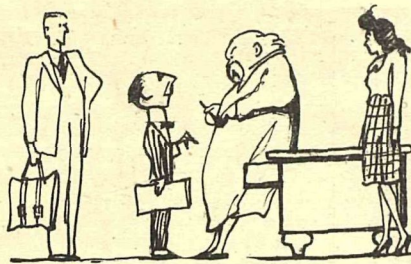
ХАЙРЭМ. Сегодня истекает срок, сэр, ведь вы знаете.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (с коротким вздохом). Да, я знаю.

ДЖИННИ (указывая на чемоданчик, который м-р Дюфеллер держит в левой руке). Это ещё зачем?

М-р ДЮФЕЛЛЕР. Для драгоценностей короны, мэм.

ХАЙРЭМ (положив свой портфель на кровать, открывает его и достаёт пачку бумаг, представляющих американский заём).

Он кладёт эту пачку на поднос перед премьер-министром и подаёт ему своё «вечное» перо). Вот нота США, сэр, в двадцати пяти экземплярах. Потрудитесь подписать.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (не прикасаясь к ноте). А что там написано?

ХАЙРЭМ (с лёгким раздражением). Вы отлично знаете, что, сэр! (Берёт ноту в руки.) Сперва идут обычные фразы, а затем сказано, что ввиду вашей неспособности выполнить свои обязательства по займу вы передаёте в собственность Национального банка Мильвоки драгоценности короны, актив Английского банка и все прочие ниже перечисленные государственные фонды и ценности.

ДЖИННИ (насмешливо кланяется мистеру Дюфеллеру). Так значит, мистер Дюфеллер становится хозяином Британской империи?

(Мистер Дюфеллер отвечает поклоном на поклон).

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. И собственником многовековой истории.

М-р ДЮФЕЛЛЕР. История не платит долгов.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Но история несёт за них ответственность.

М-р ДЮФЕЛЛЕР. В таком случае мы будем нести ответственность перед историей. Прошу вас подписать, господин премьер-министр.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (принимаясь за яичницу с ветчиной). Печальный день сегодня, не так ли, друзья мои?

ХАЙРЭМ (сдержанно). Я понимаю ваши чувства, сэр. Но я надеюсь, вы правильно расцениваете роль правительства США во всём этом. Мы лишь выполняем посредническую функцию. Вы имеете дело с мистером Дюфеллером.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Да, да, я знаю. Прежде мы имели дело с правительством США, но впоследствии оно само задолжалось Дюфеллеру и передало ему наш долг в обеспечение своего долга.

ХАЙРЭМ. Что ж, сэр, подписывайте.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Хайрэм, если я подпишу, моя голова скатится с плеч. Спросите Джинни, она вам скажет. (Отставив поднос с завтраком в сторону, он опускает ноги на пол и встаёт. Нота падает на пол. Премьер-министр в ночной рубашке шествует мимо Хайрэма к письменному столу, отирает один из ящиков и достаёт трубку и табак.)

М-р ДЮФЕЛЛЕР (подбирает с пола листы ноты, несёт их за премьер-министром и кладёт на стол). Прошу вас подписать, господин премьер-министр.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (набивая трубку). Подумайте о моей голове.

М-р ДЮФЕЛЛЕР. Дело есть дело.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. А голова есть голова.

ХАЙРЭМ (идёт за премьер-министром, который возвращается к постели). Вы не хотите подписывать?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Допустим. Что тогда? (Укладывает в постель.)

ХАЙРЭМ (крайне встревоженный). Нам придётся поддержать требования мистера Дюфеллера.

М-р ДЮФЕЛЛЕР. Силой, если понадобится.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (обиженный таким оборотом). Это верно, Хайрэм? Силой?

ХАЙРЭМ (разводя руками). Требования всегда поддерживают силой, сэр.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (оглянувшись на Джинни, которая обнаруживает явную готовность стукнуть м-ра Дюфеллера по голове). Вот, Джинни, так возникают войны. Этот (указывая на Дюфеллера) говорит: подпишите. Я говорю: не могу. Этот (указывая на Хайрэма) говорит: надо. Я говорю: не хочу. (Разводит руками и беспомощно роняет их.)

ДЖИННИ (вне себя). Гоните их отсюда!

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Джинни, достаньте из ящика свиток и дайте сюда.

Джинни выдвигает ящик и достаёт свернутый в трубку пергамент, перевязанный красной лентой и запечатанный большой красной печатью. Премьер-министр берёт его у неё из рук и небрежно передаёт Хайрэму.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Ну, вот, Хайрэм, теперь этот заём — уже ваша забота. Не моя.

ХАЙРЭМ. Как? Что это такое?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (выпустив облако дыма). Это королевский рескрипт. Британская империя включается в состав Соединённых Штатов Америки в качестве Сорок девятого штата.

ХАЙРЭМ (садится на постель ошеломлённый). Вот так номер!

ДЖИННИ (трясёт премьер-министра). Вы с ума сошли! Зачем вы это сделали?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (отталкивает её). Что за манеры. (Он встаёт, подходит к одному из книжных шкафов, достаёт толстый том и протягивает Хайрэму.) Эта идея пришла мне в голову вчера вечером, за чтением «Тележки с яблоками» Шоу.

ХАЙРЭМ. Я не могу принять этот документ, сэр. (Пытается вернуть ему рескрипт, но премьер-министр невозмутимо посасывает трубку, глядя вверх и заложив руки за спину, и Хайрэм беспомощно оглядывается на мистера Дюфеллера.)

М-р ДЮФЕЛЛЕР. И я тоже не могу.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР. Он у вас в руках, кроме того он датирован вчерашним числом. Всё теперь ваше, Хайрэм: империя, долги — всё решительно. Надеюсь, вы управитесь со всем этим лучше, чем управлялся я. Правда, вам придётся иметь дело с революцией. И премьеры доминионов, вероятно, будут возражать. Ну что ж, может быть, вам удастся призвать их к порядку. Мне это уже не удавалось.

ХАЙРЭМ (попрежнему растерян). А как же царствующий дом? Мы не можем иметь у себя царствующий дом.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (сочувственно кивая головой). Король становится губернатором Сорок девятого штата, а драгоценности короны — собственностью правительства Соединённых Штатов. Если вы желаете получить их, мистер Дюфеллер, вам придётся обратиться к президенту.

ДЖИННИ (язвительно). А вы куда денетесь, господин премьер?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (попыхивает трубкой с блаженным видом). Я сделаюсь мэром города или членом муниципалитета. И сохраню голову на плечах.

ДЖИННИ (враждебно). Нет уж, теперь ваша голова обречена.

М-р ДЮФЕЛЛЕР (мечется от одного к другому). Послушайте, это уже слишком. Что ж вы, значит, получите право голоса в конгрессе? И даже в сенате?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (твёрдо). Безусловно. И при первом же удобном случае потребуем назад Индию.

М-р ДЮФЕЛЛЕР. Этому не бывать, сэр!

ХАЙРЭМ (до сих пор молча наблюдавший всю сцену, пожимает плечами, подходит к своему портфелю и укладывает в него свиток.) Хорошо, я принимаю рескрипт.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (идёт к двери ванной, но на пороге останавливается и поворачивается лицом к остальным). Об одном только я хочу предупредить вас, Хайрэм, и советую влокавать это также мистеру Дюфеллеру. Вы получаете всё целиком. Я ведь вашего брата знаю. Вы постараетесь отхватить себе самые лакомые куски империи, а всю ответственность оставите на наших плечах, ещё увеличив её бремя. Так вот запомните: я буду стоять на страже наших конституционных прав. Сорок девятый штат не потерпит раздробления, так же как не потерпел бы Техас. А вы (обращаясь к мистеру Дюфеллеру) не думайте, что вам удастся перетолковать королевский рескрипт так, как вам выгодно. Он составлен в таких сложных и путаных юридических выражениях, что вам понадобится не меньше пяти лет, чтобы разобраться в нём. Мы теперь Сорок девятый штат, мистер Дюфеллер, и вы не можете взять себе целый штат в уплату за долги. Это было бы нарушением конституции. (Уходит в ванную, под гневными взглядами Джинни.)

ДЖИННИ (повернувшись к Хайрэму и м-ру Дюфеллеру). Убирайтесь вон! (Замывается на м-ра Дюфеллера томом Шоу. Тот поспешно убегает, оставив свой котелок на бронзовом бюсте.)

ХАЙРЭМ (которого не так легко запугать, хоть Джинни и ему пытается грозить, аккуратно застёгивает все пряжки

своего портфеля и затем выпрямляется). Умерьте свой пыл. Не моя вина, что вы задолжали Дюфеллеру.

ДЖИННИ. Не ваша. Но вы пришли помочь ему добиться уплаты.

ХАЙРЭМ. Это — его законное право.

ДЖИННИ. Вы на его стороне?

ХАЙРЭМ. Честное слово, нет!

ДЖИННИ. Зачем же вы здесь?

ХАЙРЭМ. Служебная обязанность.

ДЖИННИ. Нечего было приходить сюда в качестве факельщика на наших похоронах. Надо было послать Дюфеллера к черту. Сорок девятый штат! (С силой ударяет себя в грудь.) Через мой труп!

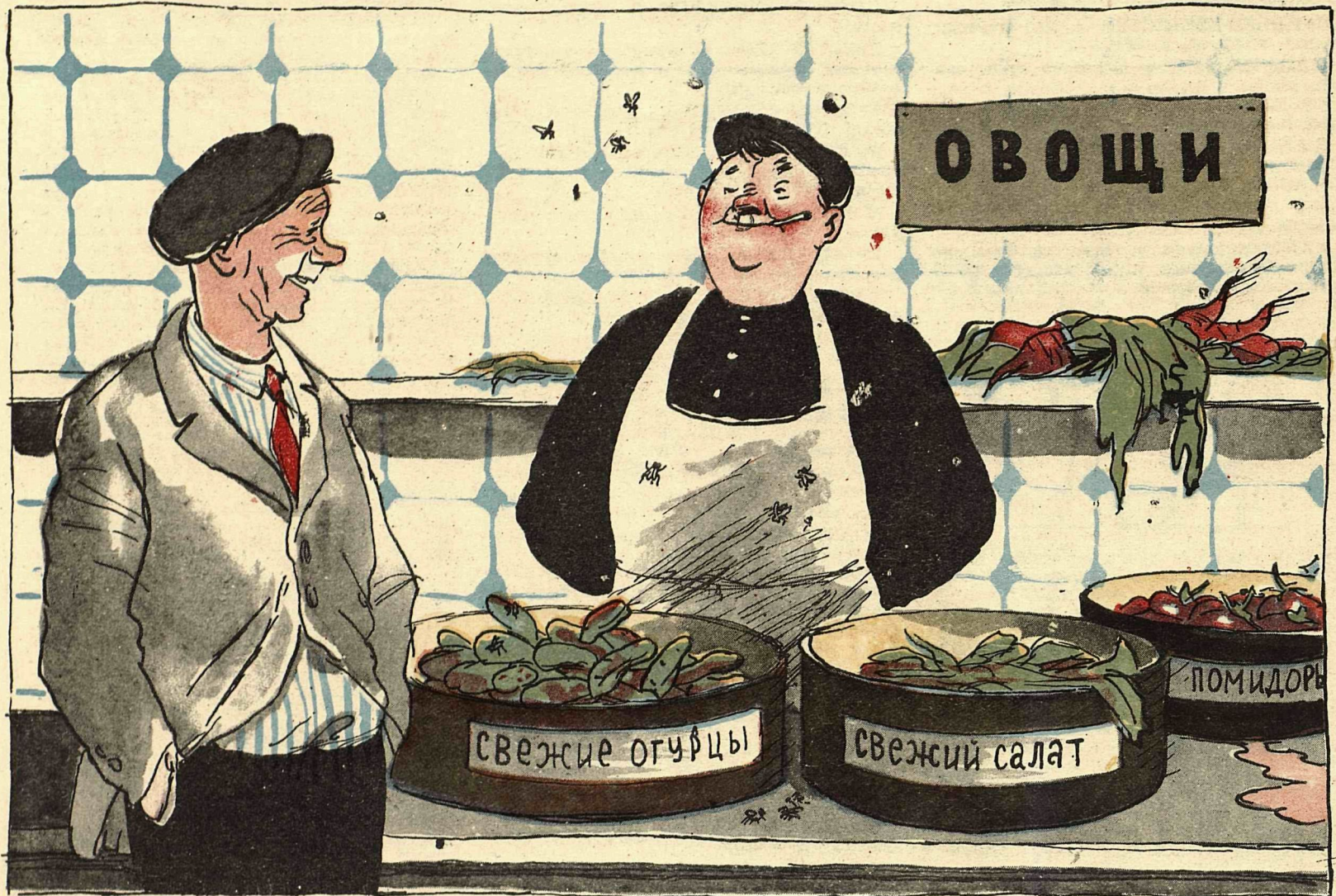
ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (в халате появляется на пороге ванной). В чём дело? В чём дело? Опять вы тут ругаетесь?

ДЖИННИ (кричит). Я уйду! С меня довольно! Не надо мне ни вас, ни вашего Сорок девятого штата!

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (потрясённый). Куда вы, Джинни?

ДЖИННИ (идёт в глубину комнаты и там надевает шляпу). Обрати, в Союз котельщиков, туда, где моё настоящее место. Там не думают о Сорок девятом штате, и там сумеют позаботиться о том, чтобы никаких сорок девятого штатов не было. А вы берегите свою голову! (Грозит ему пальцем.)

Перевод Евг. КАЛАШНИКОВОЙ

— Ты, Пахомыч, выглядишь, как огурчик, чего не скажешь о твоём товаре.

ПО РИМСКОМУ ОБЫЧАЮ

МЕСЯЦА два назад, возвращаясь как-то с заседания в главке к себе на завод, товарищ Пипин завернул по дороге в книжный магазин. Там он приобрёл на 14 рублей и 45 копеек детских книг для своего сына Кольки.

Уже сидя в кабинете, Пимен Потапович подумал: «Не мешает взглядеться, что за материал дают издательства для проработки нашему юношеству». Он стал перелистывать купленные книжки. Внимание Пимена Потаповича остановилось на небольшом рассказе о римском торговце Ицелле.

Пробегая книжечку, Пимен Потапович про себя комментировал прочитанное: «Ишь ты! Ежедневно устраивал пиры. А что ему! Перед госконтролем не отчитывался! Сммотри, пожалуйста! Значит, по римскому обычаю, устроитель банкета должен был не только доставлять с базы пищевые продукты. Надо было ещё и развлекать собравшихся беседой».

Дальше из рассказа Пимен Потапович узнал, что, будучи почти неграмотным человеком, Ицелла, невпопад вставляя реплики в разговоры гостей, не раз попадал в неловкое положение. Торговец был

слишком ленив, чтобы читать и учиться. Древние же любили пересыпать свою речь цитатами и афоризмами мудрецов. И Ицелла нашёл довольно остроумный выход: он велел управителю своего дворца заставить каждого из двухсот самых способных и умных слуг выучить наизусть какую-нибудь книгу. И каждого из них стали с тех пор звать не по имени, а по названию книги: «Одиссея», «Илиада» и т. д. Когда начиналось пиришество, «говорящие книги» выстраивались у стены. Как только завязывался послеобеденный разговор, Ицелла, уловив удобный момент, небрежно ронял: «А по этому поводу ещё старина Гомер неплохо выразился». В этот момент управитель делал незаметный знак, и один из рабов, выступив вперёд, произносил подходящие к случаю изречения. Создавалось такое впечатление, будто не только хозяин, а даже его слуги настолько образованны, что им ничего не стоит цитировать напамять великих людей.

Дочитав рассказ до этого места, Пимен Потапович даже рукой хлопнул по книжке, как от избытка радости хлопают по плечу друга, подавшего хороший совет. — Ну и шельма! Ну и хитрец! — воскликнул Пимен Потапович.

Тут вошёл секретарь и доложил, что звонили из министерства и на завод выехал вышестоящий товарищ.

* * *

Вышестоящий товарищ прежде всего заинтересовался себестоимостью.

— Нажимаем, Семён Семёнович, нажимаем. Мы трудностей не боимся, — тотчас дал конкретную справку Пимен Потапович и взглянул на главного бухгалтера.

Главбух мигом развернул отчётную простыню и стал высыпать из неё суммы и произведения. Приезжий еле успевал записывать сложившиеся за отчётный период бесконечные комбинации из десяти арабских цифр.

— А как обстоит у вас с новым технологическим режимом?

— Нажимаем, Семён Семёнович, — быстро ответил тов. Пипин, — нажимаем и вводим. Наперекор трудностям.

Пимен Потапович красноречиво взглянул на главного технолога, но тот уткнулся в свою папку и думал чорт знает о чём. Пимен Потапович бодро повторил:

— Нажимаем, Семён Семёнович, нам трудности не страшны. Не из того теста сделаны.

Тов. Пипин уже насквозь просверлил глазами рассеянного технолога, а тот всё копался в бумагах, будто начальственный взор вовсе не жжётся. Пауза затягивалась. Спасая положение и престиж, Пимен Потапович снова начал выжимать из себя:

— Жмём, жмём и ещё раз жмём, Семён Семёнович. Вот и мой главный технолог скажет, что жмём. Ведь верно, тов. Переборкин?

Главный технолог, услышав свою фамилию, отнулся и, встрепенувшись, энергично вступил в действие, а вышестоящий товарищ зашуршал карандашиком.

И так, на любой вопрос приехавший получал обстоятельнейший ответ. А Пимен Потапович своей эрудицией и вовсе затмил хитрого римлянина. Когда начальник планового отдела говорил: «Этот показатель выполнен на девяносто восемь процентов», — Пимен Потапович тут же добавлял: «Зачем вуалировать, лучше сказать прямо, что недополнили на два процента. Это честнее. Но мы нажмём, Семён Семёнович». И стоило только начальнику отдела труда и заработной платы произнести: «Не выполняющие нормы составляют пятьдесят процентов к списочному составу», — как Пимен Потапович подавал реплику: «Мы, Семён Семёнович, создали условия, и каждый второй рабочий у нас выполняет нормы».

Прощаясь, вышестоящий товарищ крепко пожал руку Пимену Потаповичу и сказал:

— Наднях мне пришлось быть на одном из заводов области, так представьте себе, директор самостоятельно не мог ответить почти ни на один вопрос. Всё разных работников вызывал. У меня сложилось о нём весьма и весьма невыгодное мнение.

— Да уж бывают и такие руководители, — неопределённо и скромно ответил Пимен Потапович.

Проводив гостя, тов. Пипин открыл верхний ящик своего письменного стола, такого большого, что на нём свободно можно было играть в бильярд, вынул детскую книжечку и, отыскав место, на котором его прервали, стал читать дальше.

«После обеда разговор зашёл, как всегда о разных учёных вещах, — читал Пимен Потапович, — заговорили о том, как люди шировали в старину. «Об этом есть слабое местечко в «Илиаде», — сказал Ицелл и подмигнул управителю. Но управитель вместо того, чтобы сделать знак рабам, упал на колени и дрожащим от страха голосом, сказал: «Прости, господин! У Илиады сегодня живот болит». После этого случая весь Рим смеялся над неуем-богачом».

«Что ж тут смешного? — строго спросил Пимен Потапович, мысленно обращаясь к автору. — Подвели человека и насмех подняли».

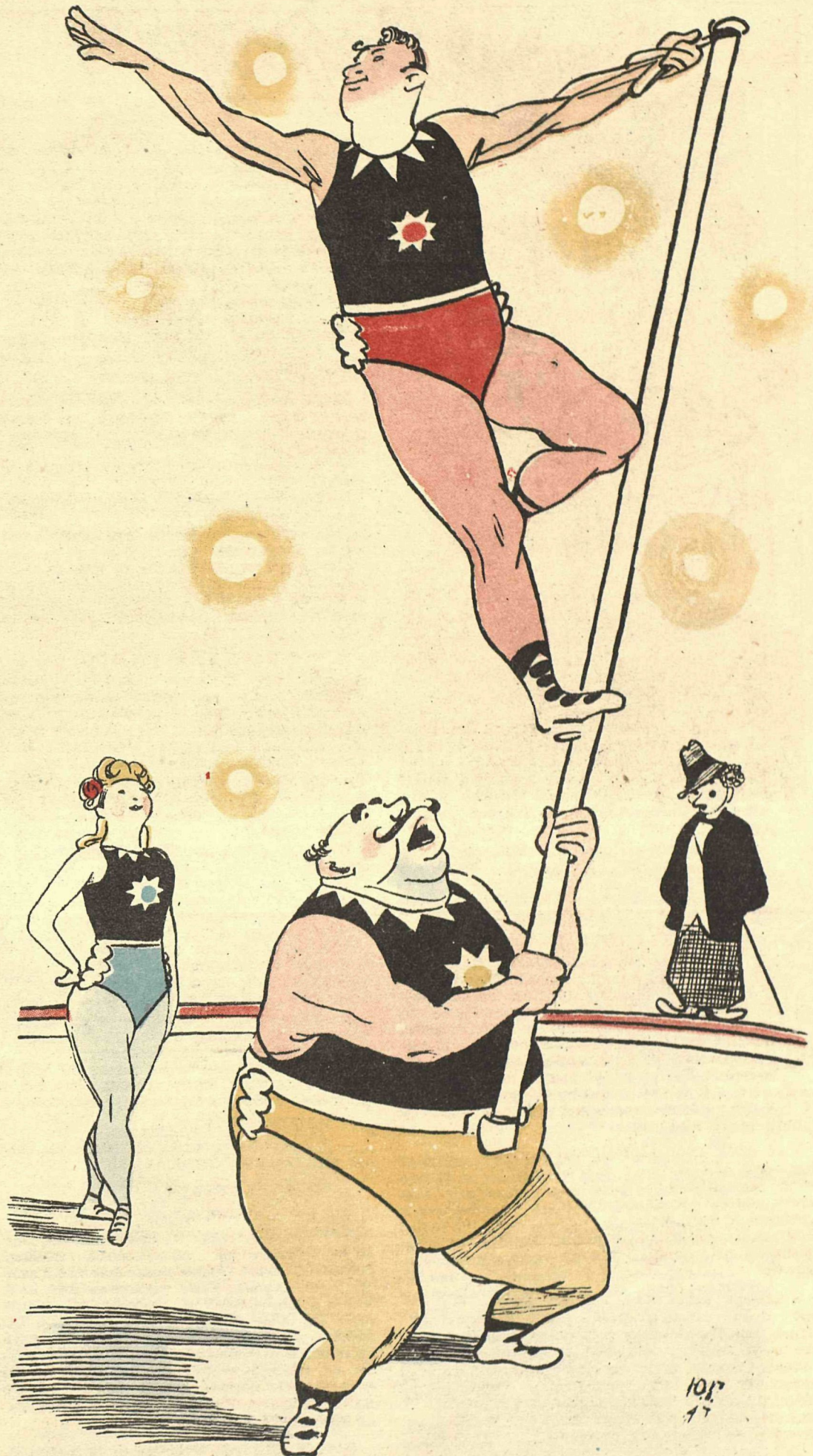
Тов. Пипин слегка задумался. Ему даже, как родителю, показалось обидным, что в детских книжках насмеяются над взрослыми. Но вскоре директор улыбнулся, потёр руки, затем позвонил и сказал вошедшему секретарю:

— Запишите. Настоящим приказываю всем начальникам отделов, имея в виду обеспечение полноценного участия в приёмах вышестоящих лиц... Что вы записали? Ага, так... в приёмах вышестоящих лиц, подготовить на случай своей болезни заместителей из числа подчинённых и обеспечить полное знание таковыми всех деталей работы в целях безотказной дачи соответствующих сведений.

Собираясь обедать, Пимен Потапович оживлённо разговаривал сам с собой:

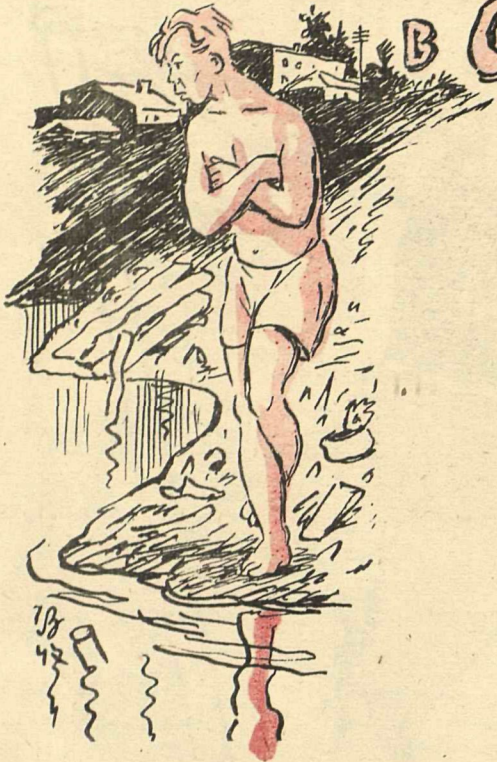
— Теперь и животом и чем хочешь болей. Всё будет в порядке. Нет, что ни говори, а у этих римлян кишка тонка была. Только и славы, что мудрецы. Архимеды! А я тебе скажу по-свойски: хоть ты и древний римлянин, а дурак, раз не сумел сделать правильную расстановку сил.

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

— Как тебе не стыдно?! Я тебя десять лет поддерживаю, а ты не мог меня один раз поддержать на месткоме.

КАК МЫ ОТДЫХАЛИ В САРАТОВЕ

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

В САРАТОВ мы приехали не работать, отдыхать. Город, красивый и живописный, располагал к отдыху, и очарованные его красотами, мы шли по улице, скандируя прибодедовские строфы:

«Подальше от этих хватов,
В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов!»
Теперь поостерегся бы Фамусов посылать дочь в Саратов, чтобы уберечь её от женихов. В городе сейчас двадцать тысяч студентов! Тут почти на каждой улице учебное заведение. По статистике, в Саратове...

Чуть не забыл: ведь мы приехали в Саратов не работать, а отдыхать. Забудем о статистике и займёмся отдыхом.

Правда, отдохнуть в Саратове — это не простое дело. Это тяжёлая работа!

ГДЕ ИСКУПАТЬСЯ?

КАКОЕ желание охватывает человека в знойный, летний день? Искупаться. Но без препятствий нет путей к блаженству. В данном случае это были трамвайные пути. Когда мы оказались у трамвайной остановки, где, по слухам, останавливается трамвай № 6, в компании саратовцев, сидевшей в тени у дома, посылались шутки и насмешки явно на наш счёт. Наконец какой-то добрый человек спросил:

— Трамвай ждёте?

— Да.

— Так чего же вы стоите на припёке? Идите сюда, в холодок. Его долго не будет.

Нельзя было не верить старожилу. Мы отошли в холодок, и здесь саратовцы с жаром начали нам объяснять, что такое саратовский трамвай. Он ходит не от остановки к остановке, а от случая к случаю. А трамвайное начальство всецело занято борьбой с теми, кто хочет прощмыгнуть в трамвай вне очереди. В вагонах висит строгое правило: «Через переднюю площадку входят инвалиды с явными признаками увечья и беременные женщины с явными признаками беременности».

У нас не было никаких явных признаков, чтоб попасть в трамвай с передней площадки. Поэтому мы решили отправиться на Волгу пешком.

...И вот мы у реки.

Как-то не хотелось купаться здесь, нырять среди пятен нефти, рискуя при заплыве удариться носом о нос баржи. Хотелось поехать на песчаный остров, который был на виду города и манил золотым песком. Наши мечтательные взгляды заметил некто с обвисшими усами, смотревший на берег из уютной лодки, качавшейся на волнах.

— Перевезём, что ли?

— А сколько возьмёте?

Речной волк небрежно обронил:

— По десятке с рыла.

Мы пошли мимо.

— Давайте по пятёрке.

Мы согласились. И пока один из нас заносил ногу в лодку, другому в голову пришла счастливая мысль, он спросил у перевозчика:

— А сколько будет стоить обратный проезд?

— Там сторгуемся... — сказал злобещим голосом усатый.

Нет, купание в Волге нам было явно не по средствам.

Долго мы ещё метались по накалённому солнцем берегу, пока не выяснили, что искупаться в Волге в волжском городе Саратове невозможно без крупнейших денежных потерь.

В ВИХРЕ ТАНГО

В ЕЧЕРОМ городом овладел Леонид Утёсов. Его интимный голос, усиленный динамиками и электролами до мощности иерихонской трубы, властно требовал: «Сыграй мне синюю рапсодию». И её играли всюду: в парках, садах, за открытыми окнами клубов и частных квартир. Казалось, что весь город завертелся в вихре танго.

Будучи нетанцующими, мы мрачно бродили по городу. Зашли в сад «Липки», заплатив по рублю за вход. «Липки» были очаровательными, но погружёнными в полумрак. Оживление было только на танцевальной площадке, но, чтоб взойти на неё, надо было заплатить ещё по 3 рубля.

А зачем платить, если мы не танцуем! И так как, кроме духового оркестра, других развлечений в «Липках» не было, мы пошли ещё в один парк. Здесь за вход с нас взяли по шести рублей и вручили по два билета:

— Почему так дорого?

— Я вам даю входной билет и на танцы, — сказала кассирша.

— Но мы не танцуем.

— Ничего, научитесь.

На площадке мы лихорадочно вспоминали забытые па, обдумывали полные светского лоска фразы приглашения к танцу и, не скроем, даже выбирали уже наиболее симпатичных и добродушных девушек, которые во время танца могли бы понять и простить нам нашу отсталость от передовой техники танго. Ведь мы могли не только отступить от правил, но и наступить партнёрше на мозоль. Но это нас не пугало. Раз истратились, надо было танцевать и вдруг...

Оборвался голос Утёсова, и радиорепродуктор прохрипел:

— Несмотря на неоднократные предупреждения некоторые товарищи продолжают танцевать стилем «линда». За это выведены из сада с запрещением посе-

щать его в течение всего лета нижеследующие товарищи...

Дальше шла перечисление имён и профессий. И тут нам стало совсем не по себе. Танцевать не хотелось. А вдруг стиль, который мы по неопытности изобразим, и окажется «линдой»? Нет, пусть уж лучше плачут наши денежки, а не мы.

НАКОНЕЦ-ТО РАЗВЛЕКАЕМСЯ!

О КАЗЫВАЕТСЯ, чтобы развлечься, надо было идти не в парки, а в различные организации и учреждения. Прежде всего мы пошли в областную филармонию. Комната в полуподвале напоминала полусарай и была набита актёрами. Тут одновременно пели, пробовали баян, выступал звукоподражатель и три администратора вели деловые переговоры. Эта звуковая картина могла омрачить любое сознание. Директор филармонии Горский отчасти объяснил причину адского шума:

— Пытаемся сплавить в Астрахань симфонический оркестр и капеллу.

— Зачем же их сплавлять, когда у вас в парках...

— Парки и сады симфониями не интересуются. У них упор на танцы. Заведующий горотделом культпросветработы Волик не захотел даже взглянуть на программы наших концертов...

Идём к Волику:

— Почему бездействует симфонический оркестр?

— А мне какое дело! — сказал Волик. — Филармония с меня требует сто тысяч гарантии, а где я их возьму? Пусть скажут человеческую цену. А то они всегда стараются сорвать...

Пока идёт эта какофония, симфонии в парках не звучат. А лето между тем на исходе.

Ещё больше позабавил нас председатель городского комитета физкультуры Юшков:

— Почему на реке нет купален? Вопрос упирается в средства. Городской стадион не работает, развалились трибуны: вопрос упирается в древесину. Были у нас когда-то яхты, а сейчас нет: вопрос упирается в ель.

— А открытие городского пляжа во что упирается?

— Не знаю. Мне лучше молчать, а то как раз мне это дело и поручат...

Чем не затейник тов. Юшков?

Мы зашли в горторготдел, чтобы узнать, почему Саратов стал безводной пустыней и во что упирается на берегах Волги производство фруктовых вод. Зашли и попросили секретаря доложить о нас начальству. Секретарь доложила и попросила нас подождать пять минут. Прошло десять минут. Двадцать. Полчаса. Мы заволновались. Конечно, мы хотели отдохнуть в Саратове, но не в приёмной заведующего отдела городской торговли. И вдруг наши глаза упали на доску из чёрного стекла, по которой было выведено серебром: «Зав. горторготделом Яхтин П. Г. Приём по понедельникам и четвергам с 10 до 1 часу дня». Шесть часов в неделю! Сейчас был понедельник, три часа дня. Мы упустили время.

Уезжали мы из Саратова и сожалели только о том, что не будет на страницах нашего журнала портрета П. Г. Яхтина. Но нас утешало то, что основные черты его характера и так запечатлены.

В. СУХАРЕВИЧ

Иллюстрации

Г. ВАЛЬКА

(Специальные корреспонденты Крокодила)

Председатель городского комитета физкультуры тов. Юшков.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАВМА

МИТЯ Куршев, невысокий крепко сложенный человек восьми лет, в честь блистательного перехода во второй класс был премирован родителями билетом в Большой театр.

После длительной нотации, в которой Мите припомнились все его грехи за год: разбитое зеркало, тройка по арифметике, потерянная бабушкина спица и много ещё чего; после торжественного митингового обещания не бить зеркал и не терять бабушкиных спиц в новом трудовом году отец вручил Мите два больших серых билета.

«Опера «Снегурочка», 3-й ряд, 22-е место. Вход после третьего звонка в зрительный зал воспрещается», — с замирающим сердцем прочёл Митя. Ему даже стало немного грустно: детство кончилось, он уже взрослый человек, перед которым постепенно растворяются двери самого Большого театра.

Митя очень опасался, что они не успеют до третьего звонка, и с десяти утра приставал к двоюродной сестре, данной ему в провожатые, что пора идти занимать места. Но сестра оказалась опытным товарищем, и не успел отзвенеть третий звонок, как Митя уже сидел на обитом красным бархатом креслице.

Но вот погасли огни. Человек в чёрном костюме взмахнул палочкой, заиграли музыка, и тяжёлый занавес медленно раскрылся.

Всё было необычным, новым и захватывающе интересным. Митю лишь удивляло, что на сцене всё время поют, даже когда говорят самые простые вещи.

Впрочем, к концу третьего действия Митя настолько освоился с этой странной особенностью оперы, что в антракте спел сестре на мотив арии Берендея:

«По-о-ойдём, по-о-ойдём в бу-у-фет,
Пи-и-рожно-о-го хо-о-чу!»

— А у тебя есть слух, — похвалила сестра.

Но всё имеет конец. Снегурочка растаяла, толстая тётя, одетая пастушкой, женилась на другой толстой тёте, — Купаве, а весёлые берендеи спели по этому поводу что-то радостное хором. Занавес опустился, часть зрителей бросилась к выходу, но другие встали и захлопали в ладоши. Митя тоже встал и захлопал что было силы.

Занавес зашевелился, и на сцену, взявшись за руки, вышли участники спектакля. И тут началось нечто невообразимое:

— Антонова!..

— Масленникова!..

— Лемешев!..

Всё нарастающие крики наполнили огромный зал. Особенно старались девицы. Их голоса сливались в какой-то душевраздирающий вопль.

— Чего они так кричат? — удивлялся Митя. — У нас в Детском театре даже малыши так себя не ведут.

Занавес приоткрывался снова и снова, но крики не стихали; напротив, в них появилось какое-то целеустремлённое неистовство.

— И-и-и-и-и!.. — заходила над самым митиным ухом толстая с жёлтыми волосами девица.

Мите стало не по себе. Он оглянулся и увидел, что со всех балконов свешиваются, как гроздь, девицы и орут, орут до хрипа, до слёз, до обморока.

Митя потянул сестру за рукав, но та словно не заметила. Занавес снова колыхнулся, показалась одинокая фигура царя

Берендея, он прижимал руки к груди и отвешивал робкие поклоны.

С перекошенными лицами девицы бросились к сцене. Казалось, они хотят схватить и уничтожить несчастного Берендея.

— ...е-е-ешев!.. Брав-о-о!.. — ревели, стояли, вопили они.

Словно моля о пощаде, Берендей кланялся, пятясь к спасительной щели в занавесе.

Мите стало жалко доброго старика.

— Пойдём, — попросил он сестру.

И тут его серьёзная, умная, такая спокойная сестра вдруг нехорошо перекосила лицо и тонким, незнакомо-противным голосом, словно её резали, завопила:

— ...е-е-ешев!.. И-и-и-и! А-а-а-а!..

Остальное Митя помнил смутно, как во сне. По выходе из театра они куда-то бежали. Затем долго маялись у задних дверей театра, где уже толпилось немало народу, преимущественно девиц.

— Пойдём домой, — упрашивал Митя сестру, — у меня ноги устали.

Но та не слышала. Красная и растрёпанная, она с волнением спрашивала стоявшую рядом толстуху с жёлтыми волосами:

— А он здесь выйдет? Как бы не ускользнул.

— Не ускользнёт, — успокаивала толстуха, — у нас повсюду расставлены посты.

В этот момент из дверей появился небольшой человек в шляпе и лёгком пальто. Увидев толпу, человек хотел было юркнуть обратно в дверь, но его со всех сторон облепили визжащие, орущие девицы и потащили к полузадушенному «зису». Митю толкнули, смяли, отбросили, оглушили, он ничего больше не помнил.

Удалось ли спастись небольшому человеку в пальто или он стал жертвой разбушевавшихся девиц, осталось для Мити тайной. По возвращении домой у него поднялась температура, с губ его срыва-

лись какие-то бессвязные слова. Встревоженные родители вызвали врача.

— Всё ясно, — сказал доктор, пряча стетоскоп. — У мальчика художественная травма. Впечатление оказалось слишком сильным. Разве можно такому маленькому в оперу?

Митя услышал последние слова доктора. «Опера тут не при чём!» — хотелось ему крикнуть, но вместо этого губы его скрипились и из горла вырвались странные, блекнущие звуки:

— ...е-е-ешев!.. Бра-о-о-о! И-и-и-и!..

СПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ПЕРМАНЕНТ ПО ПРИКАЗУ

В посёлок Игнатовка, Ульяновской области, прибыл специалист-парикмахер. Об этом радостном событии население было оповещено специальным объявлением:

В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ С 7 Ч. УТРА
ДО 10 Ч. ВЕЧЕРА

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В ДОМУ ТАРИЧКИНЫХ в течение 3-х дней будет производиться ШЕСТИМЕСЯЧНАЯ ЗАВИВКА ВОЛОС ПЕРМАНЕНТ. ЖЕЛАЮЩИЕ ЗАЯВИТЬСЯ, ПРОСЬБА ИМЕТЬ ПРИ СЕБЕ ПОЛОТЕНЦЕ И ДВА ПОЛЕНА СУХОЙ ЛУЧИНЫ. ОСНОВАНИЕ: ПРИКАЗ от I/VII—1947 г. за № 29 мастер УЛЬЯНОВСКИЙ арт. «КРАСНЫЙ ПРОЖЕКТОР».

Е. ПЯТКИН

рис. Е. ЕВГАНА

ОКОНЧИВ ВУЗ

— Я не могу поехать на периферию, не посоветовавшись с мужем и детьми.

— Насколько мне известно, у вас нет ни мужа, ни детей.

— Ну, что ж, я подожду, когда они у меня будут.

— Ты знаешь, Валя, «Когда волнуется желтеющая нива...»?
 — Знаю. Когда плохо убирают урожай.

РЕАКТИВНАЯ КОЛБАСА

К реактивным самолётам и снарядам прибавилось новое грозное оружие — реактивная колбаса.

Начальник отдела сбыта Бонджожского химического завода А. В. Волков с тревогой рассказывает:

«Оказывается, эту самую реактивную колбасу вырабатывает наш завод».

В подтверждение своих слов тов. Волков прислал в Крокодил официальную бумажку Всесоюзной конторы по сбыту химических и чистых реактивов «Союзреактивсбыт», где чёрным карандашом на жёлтом бланке было написано:

«Отпустите на месте Баштехснабнефти в его тару три тонны серной реактивной колбасы.

Зам. Упр. Союзреактивсбыт
 М. Бродский».

Тов. Волкова, естественно, интересует, по чьему указанию завод стал вдруг вырабатывать колбасу, да ещё реактивную. Нао же больше интересует, в каких целях она может быть применена. Единственно — для устрашения тех, кто подписывает бумагу, не читая!

ПЕРЕХОДЯЩИЙ ПРИЗ

Выражаем глубокое соболезнование физкультурникам города Чапаевска, занявшим первое место в недавно проведённом областном профсоюзно-комсомольском кроссе.

Пройдут года, и они постепенно забудут, что получили приз — серебряный бювар, на котором так любовно кем-то было выгравировано лет пятьдесят назад:

«Глубокоуважаемому Ивану Николаевичу Гулякову в четвертьвековую годовщину неутомимой деятельности на поприще земского врача. Искренно признательная Самарская уездная земская управа».

— Не огорчайтесь, братцы! — хочется дружески сказать случайным владельцам чужого бювара. — Ведь приз-то, вручённый вам Куйбышевским областным советом по делам физкультуры и спорта, — переходящий, и в ваших возможностях от него в конце концов избавиться.

ДУХ ЗАХВАТЫВАЕТ

Редакция журнала «Беларусь» решила познакомить своих читателей с архитектурными памятниками Белоруссии. С этой целью в номере седьмом журнала помещена статья «Новогрудский замок». Из неё не без интереса мы узнали, что

«с высоты башни замка можно было когда-то обозреть местность на 6200 — 7300 километров вокруг (!). Дух захватывало, — пишет автор А. Палеес, — от далёкого горизонта, который широко раскрывался с высоты руин этого исторического строения».

Признаться, и у нас захватило дух, когда мы прочитали эти строки, и что скрывать: втайне позавидовали редакции, имеющей такие широкие горизонты.

СЛАВА ОТСТАЮЩИМ!

Исключительную мудрость проявило Министерство финансов Мордовской АССР в присуждении премий за выполнение финансового плана по республике во втором квартале.

Премии получил не город Саранск, перевыполнивший план, а город Рузаевка, этого плана не выполнивший.

Очевидно, Министерство финансов рассудило так: зачем поощрять саранцев, которые и без того примерно работают, если можно отметить отстающую Рузаевку. Такое внимание со стороны министерства обязательно её подтянет — и всё будет в полном порядке.

Что ни говорите, а финансовая политика — тонкая штука!

И КЛАССИКИ НЕ ПОМОГЛИ

Пушкинская городская газета, описывая работу местного радиоузла, призвала на помощь классиков.

Особенно удался редакции последний абзац:

«В своё время один из героев гоголевских произведений грустил: «И сказок о нас не расскажут, и песен о нас не споют». Не в пример гоголевским героям тов. Корнев избрал верный путь, чтобы о нём была написана и напечатана баллада, как о знаменитом волынщике...»

Номер газеты, где помещена заметка, подписан тов. В. Краскиным, исполняющим обязанности ответственного редактора. Плохо В. Краскин исполняет свои временные обязанности! Спутать Гоголя с Горьким! Нет, за такую ошибку и сказок о вас, тов. Краскин, не расскажут и песен о вас не споют.

Дорогой Крокодил!

В посёлке Шимановском сгорел дом. Пожарные машины прибыли, когда дом уже догорал. Одна машина пришла даже без воды.

А через несколько дней загорелось здание самой пожарной охраны, и узнали о пожаре от сторожа бани, расположенной рядом.

Какой-то рьяный градоправитель требовал, чтоб пожарная команда выезжала на место происшествия за полчаса до начала пожара. Он требовал явно невозможного!

Население нашего посёлка требует, чтоб пожарная команда приезжала не за полчаса до пожара, а хотя бы через полчаса после начала пожара. Но начальник пожарной охраны Торобов считает, видимо, такое требование чрезмерным.

Н. ВОРОЖКО

ст. Шимановская, Амурской обл.

Товарищ Крокодил!

Недавно к нам прибыл на руководящую работу тов. Черемисов. В поисках квартиры для себя он неумоимо стал знакомиться со всеми государственными учреждениями, но выбора долго сделать не мог. В последнюю минуту, когда, казалось, положение было безнадежно,

тов. Черемисов пришёл в районный отдел социального обеспечения, и тут счастье ему улыбнулось.

Домик, на ремонт которого перед тем были затрачены солидные средства, вполне пришёлся тов. Черемисову по вкусу. Председатель райисполкома тов. Шекула одобрил вкус гостя, что и было зафиксировано им в специальном документе о выселении райсобеса во флигелёк, который вот-вот развалится.

Остаётся только выразить искреннюю радость по поводу того, что тов. Черемисову не понравился дом самого райисполкома. Впрочем, если бы тов. Черемисов пожелал поселиться в здании райисполкома, председатель охотно пошёл бы ему навстречу. Когда речь идёт о нуждах руководящего товарища тов. Шекула всегда мужественно преодолевает все трудности и преграды.

П. ЯЦЕНКО,
зав. райсобесом

Посёлок Зимовники,
Ростовской обл.

Уважаемый Крокодил!

Девятнадцать месяцев молчала моя радиоточка. Сколько я ни обращался насчёт ремонта в радиотрансляционный узел, там упорно молчали, подражая моему репродуктору.

Терпение моё лопнуло, и я подал заявление, чтобы мою радиоточку выключили. Мою просьбу уважили и на абонентной карточке сделали отметку: «Радиоточка выключена».

Каково же было моё удивление, когда я вдруг услышал голос. Нет, не в репродукторе, а голос судебного исполнителя, который потребовал от меня немедленно погасить задол-

женность за все месяцы, что я не слушал радио, иначе будут приняты репрессивные меры.

Оказывается, моё давнее заявление признано недействительным: я должен сперва погасить задолженность, а затем подать повторно заявление.

Я не рискую снова писать в трансляционный узел и объявляю публично: «Прошу выключить мою радиоточку. И поставить на этом точку!»

П. ЛАТЕНКО

г. Одесса

Товарищ Крокодил!

Не имея возможности лично попасть на приём к руководителю Торгового отдела Ереванского горсовета тов. Барсеяну, прошу оказать мне в этом содействие.

Я не стал бы тебя беспокоить, если бы мог рассчитывать, что в конце концов добьюсь свидания. Но, к великому сожалению, все попытки проникнуть в кабинет к Барсеяну кончаются полным крахом. Мощное заграждение в виде секретарши не позволяет продвинуться ни на шаг дальше приёмной. Пробовал связаться по телефону, но из этого тоже ничего не вышло. Вышколенная секретарша рьяно оберегает своё начальство.

Если и в дальнейшем зав. торговделом будет чуждаться людей и вести столь отшельническую жизнь, есть опасение, что он совершенно одичает.

М. ЭЙУБОВ,
гвардии капитан

г. Ереван

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ТЕЛЕНКУ

Пригородный поезд № 204 Южно-Уральской железной дороги забрал на станции Чумляк, где был большой базар, столько народу, что, казалось, дальше некуда. Но так казалось только пассажирам. Старший проводник Половинкин был иного мнения: он сумел доказать, что далеко не все внутренние ресурсы вагона использованы. Грозно и решительно он потребовал освободить тамбур вагона. И добился своего.

— Во имя чего было это сделано? — недоумевали пассажиры.

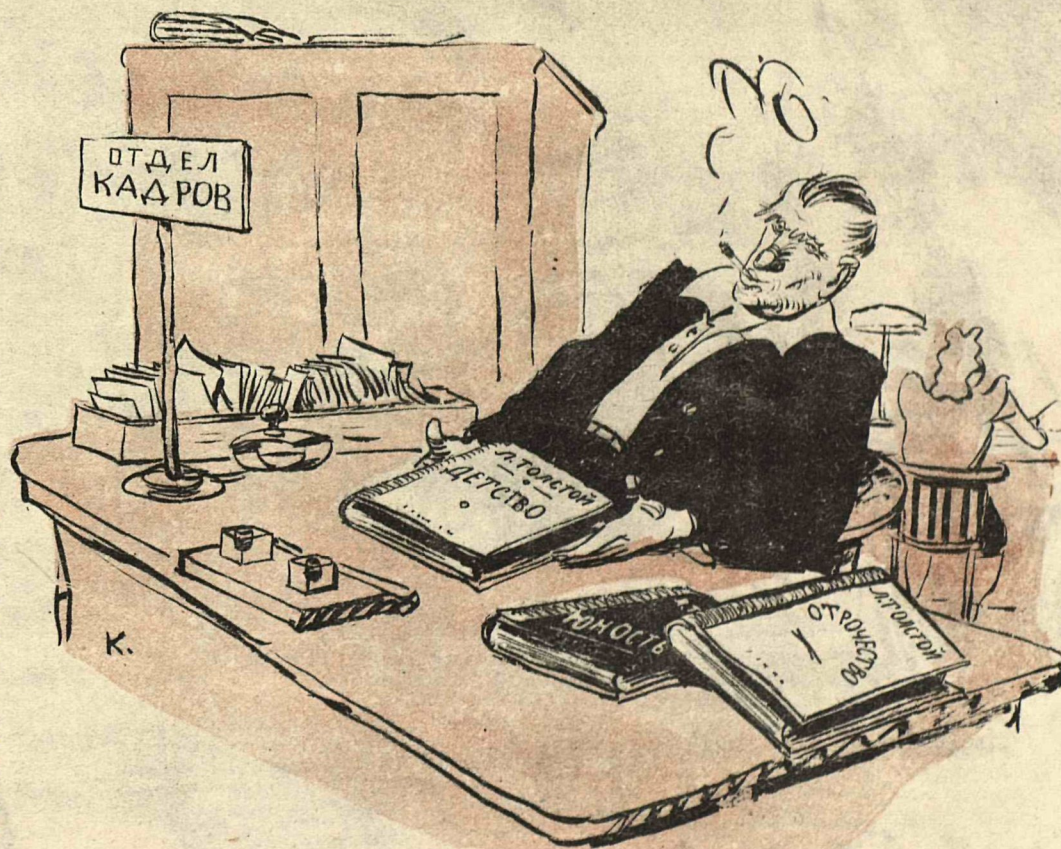
Недоумевали недолго: Половинкин погрузил в тамбур годовалого телёнка.

Телёнок благополучно проследовал в Челябинск. А Половинкин? Половинкин продемонстрировал человеческое отношение к скотине и скотское — к человеку. Только и всего!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● В № 17 Крокодила был напечатан фельетон «Спокойный сон» о необоснованном увольнении бухгалтера-ревизора Главдирресторана Востока тов. Киселёва. Приказом по Министерству торговли СССР тов. Киселёв на работе восстановлен. ● Заместителю главного бухгалтера Главдирресторана тов. Осину объявлен строгий выговор за неправильное заключение о проведённой тов. Киселёвым работе. Заместителю начальника главка тов. Тюринг министерство поставило на вид его формальный подход к вопросу о снятии тов. Киселёва.

● Курское управление курортов ВЦСПС распространило путёвки в закрытый на ремонт санаторий «Москва». Десятки больных прибыли в санаторий и должны были вернуться обратно. Об этом был напечатан в № 17 Крокодила фельетон. Приказом по Центральному управлению курортов ВЦСПС начальнику Курского управления тов. Колмыченко объявлен строгий выговор с предупреждением. Директор санатория «Москва» тов. Лимонина за неудовлетворительную организацию ремонта санатория снята с работы и привлечена к судебной ответственности. Все ранее выданные путёвки будут заменены путёвками в другие санатории.

— Ну, Толстой уже через край хватил! Я даже от поступающих на службу не требую такой обстоятельной автобиографии.

Рис. А. КАНЕВСКОГО

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно в 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 579. Подп. к печати 13/VIII 1947 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1 1/2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

Л-06552. 25 Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2193. Тираж 150 000 экз.

48

23 АВГ. 1947

ВОЙНА В ИНДОНЕЗИИ

6465

Рис. Л. БРОДАТЫ

№ 1
ВСЕ СССР
МИНИСТЕРСТВО
СРЕДСТВ
СВЯЗИ

— Спасибо голландцам и их благодетелям. Не дают мне, старухе, сидеть без дела.